

АННА ВАЛЕЕВА

AMOUR
TOUJOURS

PARIS
L'ART
D'AIMER

Тебя
НЕЛЬЗЯ БЫЛО
ЦЕЛОВАТЬ

18+

Анна Валеева

Тебя нельзя было целовать

<https://litres.ru/74500229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эва Морель привыкла рассчитывать только на себя. Она работает декоратором, мечтает о собственной студии и совершенно не собирается становиться очередной красивой историей в жизни богатого владельца ресторанов.

Александр Ривьер привык контролировать всё: бизнес, людей, обстоятельства и особенно самого себя.

Их первая встреча заканчивается спором.

А потом Эва получает проект нового ресторана Александра, и следующие недели им придётся работать слишком близко друг к другу.

Он первым устанавливает границу:

— Между нами ничего не будет.

Эва только улыбается:

— Отлично. А я разве что-то предлагала?

Вот только правила плохо работают, когда один взгляд длится дольше положенного, случайные прикосновения перестают быть случайными, а желание поцеловать человека становится сильнее здравого смысла.

Но настоящая проблема начнётся не тогда, когда Александр наконец нарушит собственное правило.

А когда Эва поймёт: любить мужчину, привыкшего решать всё за других, гораздо опаснее, чем просто его хотеть

Анна Валеева

Тебя нельзя было целовать

ТЕБЯ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ЦЕЛОВАТЬ

Анна Валеева

современный любовный роман

Глава 1. Дверь без таблички

Эва Морель терпеть не могла две вещи: лилии в душных помещениях и людей, которые произносили слово «срочно» так, будто изобрели его лично.

К девяти вечера в клубе «Нуар» было слишком много и того, и другого.

Лилии стояли в высоких чёрных вазах у лестницы и пахли так густо, что хотелось открыть все окна разом. «Срочно» раздавалось в гарнитуре каждые две минуты: срочно поправить свет над центральным столом, срочно убрать лишние свечи со сцены, срочно найти человека, который решил, что золотая лента на бордовой скатерти — хорошая идея.

— Если я найду этого человека, — пробормотала Эва, вытаскивая ленту из композиции, — он больше никогда не увидит золото.

— Угроза или профессиональная клятва? — спросил за спиной Тома, помощник светотехника.

— Обещание.

Он рассмеялся и убежал к пульту, а Эва выпрямилась, прижала ладонью поясницу и осмотрела зал.

Через час здесь должны были появиться люди, которые привыкли к тому, что шампанское уже налито, музыка уже звучит, а цветы стоят ровно под тем углом, под которым они якобы «случайно» выглядят идеально. Никто из них не узнает, что за этим случайным совершенством были двадцать семь сообщений от Клер, три сломанных подсвечника, курьер, который перепутал адрес, и Эва, с восьми утра не съевшая ничего, кроме половины круассана.

Но зал был красив.

Тёмное дерево стен, тёплый янтарный свет, тяжёлые шторы цвета вина, сотни маленьких огней. На столах — белые анемоны, ветви эвкалипта и тонкие чёрные свечи. Никакой показной роскоши. Только уверенность места, которому не нужно доказывать, что оно дорогое.

Эва любила такие пространства. Сначала они были пустыми, холодными, безликими. Потом ты входил в них с рулеткой, коробками, тканями и нелепым количеством скотча — и постепенно помещение начинало дышать.

Она уже собиралась идти к служебному входу, когда в гарнитуре зашипел голос Клер:

— Эва, ты где?

— В зале.

— Найди контракт с флористами. Он должен быть в маленькой переговорной на втором этаже. Синяя папка.

— Я думала, туда нельзя персоналу.

Пауза была настолько выразительной, что Эва закатила глаза.

— Через сорок минут сюда приедут двести человек, — сказала Клер. — Сегодня нам можно всё, за что нас не успеют уволить до полуночи.

— Обнадёживает.

— Синяя папка. Быстро.

Эва сняла гарнитуру с одного уха и направилась к лестнице.

На втором этаже было заметно тише. Музыка из зала доходила сюда приглушённым басом, коридор освещали только настенные лампы. Двери были одинаковыми — тёмными, без номеров, без табличек. Конечно. Если уж владельцы клуба хотели сохранить загадочность, они решили начать с того, чтобы никто не мог найти туалет без проводника.

Эва открыла первую дверь — кладовая. Вторую — кабинет с выключенным светом. Третью — небольшая переговорная, но никакой синей папки на столе не было.

Она вышла обратно и заметила в конце коридора ещё одну дверь, приоткрытую на пару сантиметров.

Внутри горел свет.

— Клер, если я сейчас случайно найду тайную комнату с телами конкурентов, — тихо сказала Эва в микрофон, — я увольняюсь.

Связь молчала.

Она толкнула дверь.

Комната оказалась не переговорной.

Большой кабинет. Панорамное окно. Париж внизу — мокрый после вечернего дождя, блестящий фарами и вывесками. На столе лежали бумаги, телефон, бокал воды. У окна стоял мужчина.

Он говорил по телефону и не заметил её сразу.

— Нет, Жюльен, — произнёс он спокойно. — Ты не понял. Я не обсуждаю это сегодня.

Голос был низким и ровным. Не громким. И именно поэтому в нём слышалось больше раздражения, чем в крике.

Эва уже сделала шаг назад, когда мужчина повернулся.

Их взгляды встретились.

Она замерла с рукой на дверной ручке.

Он был выше, чем она ожидала от человека, которого видела только на фотографиях в деловых статьях. Тёмные волосы, чуть растрёпанные, будто он несколько раз провёл по ним рукой. Белая рубашка, рукава закатаны до предплечий, верхние пуговицы расстёгнуты. Пиджак висел на спинке кресла. На лице — то выражение усталого терпения, которое обычно бывает у людей, сдерживающих желание разбить телефон о стену.

Александр Ривьер.

Владелец «Нуара».

И ещё нескольких мест в Париже, куда Эва могла позволить себе зайти только по работе.

Он не отвёл глаз.

— Я перезвоню, — сказал он в телефон и завершил вызов.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Вы потерялись? — спросил он.

Не «добрый вечер». Не «вам помочь?». Конечно.

— Я ищу синюю папку.

Его бровь едва заметно поднялась.

— Это многое объясняет.

— Надеюсь. Потому что мне пока ничего не объясняет.

Он отложил телефон на стол.

— Сюда нельзя входить.

— Тогда вам стоит повесить табличку.

— Дверь была почти закрыта.

— «Почти» — не юридический термин.

В его лице что-то изменилось. Не улыбка. Скорее короткая попытка понять, всерьёз ли она спорит с ним в его собственном кабинете.

Эва подумала, что разумнее было бы извиниться и уйти.

Разумнее — не всегда интереснее.

— Вы всегда разговариваете так, будто весь мир вам принадлежит? — спросила она.

Теперь он точно удивился.

— Только та его часть, в которой вы сейчас стоите.

Эва посмотрела себе под ноги, будто проверяя паркет.

— Тогда вам не повезло. Я как раз собиралась отсюда уйти.

Она развернулась.

— Подождите.

Эва остановилась в дверях, но не обернулась сразу.

Позади слышались шаги.

Александр подошёл к шкафу у стены, открыл нижнюю дверцу и достал синюю папку.

— Эту?

Она повернулась.

— Если там контракт с «Флёр Ателье», то да.

Он посмотрел на обложку, затем на неё.

— Эва Морель?

Она нахмурилась.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Оно написано на вашем бейдже.

Эва опустила глаза.

Белая карточка действительно висела на чёрной ленте поверх её рубашки.

— Прекрасно. На секунду я почти решила, что вы опасно наблюдательны.

Угол его рта дрогнул.

— Я постараюсь пережить разочарование.

Он протянул папку.

Эва взяла её, и их пальцы на мгновение соприкоснулись.

Абсолютно случайно.

Абсолютно ничего особенного.

Только почему-то она почувствовала это прикосновение

слишком отчётливо.

Она отдернула руку первой.

Александр заметил. Она поняла это по тому, как на секунду задержался его взгляд на её пальцах.

— Спасибо, — сказала Эва.

— Пожалуйста.

— И всё-таки повесьте табличку.

— Что на ней написать?

Она уже выходила.

— «Осторожно. Владелец».

За спиной стало тихо.

А потом Эва услышала короткий смех.

Не громкий. Почти удивлённый.

Она спустилась по лестнице с папкой под мышкой и только у самого зала поняла, что улыбается.

— Нашла? — Клер возникла перед ней, как всегда, из ниоткуда.

— Да.

— Почему так долго?

Эва протянула ей папку.

— Заблудилась.

— На втором этаже один коридор.

— Очень коварный коридор.

Клер подозрительно прищурилась, но уже через секунду её отвлекли вопросом о рассадке.

Эва вернулась к центральному столу.

До открытия оставалось тридцать четыре минуты.

Она поправляла анемоны, проверяла свечи и убеждала себя, что случайная встреча уже закончилась.

Наверху, в кабинете, Александр Ривьер снова взял телефон.

На экране всё ещё светилося имя Жюльена.

Он не перезвонил.

Вместо этого подошёл к окну и посмотрел вниз, в зал, где между столами быстро двигалась девушка с тёмными волосами, заколотыми карандашом.

«Осторожно. Владелец».

Александр тихо усмехнулся.

Впервые за весь день ему захотелось, чтобы вечер не заканчивался слишком быстро.

Глава 2. Шесть недель

На следующее утро Эва проснулась от звука, который сначала приняла за пожарную тревогу.

Оказалось — будильник.

Она нащупала телефон под подушкой, выключила его и несколько секунд лежала, уставившись в потолок.

Вчерашний вечер закончился в половине третьего. Потом был грузовик, который не мог развернуться во дворе, спор с охраной из-за трёх ваз и двадцать минут под дождём, пока Эва ловила такси.

В семь сорок пять она должна была быть в офисе.

На часах было семь двадцать.

— Отлично, — сказала она потолку. — Просто отлично.

Через двенадцать минут она уже выбегала из квартиры, одновременно застёгивая пальто и пытаясь допить кофе из термокружки.

Париж встретил её серым небом и влажным сентябрьским воздухом. На углу пахло свежим хлебом, у метро кто-то играл на скрипке, а Эва в очередной раз подумала, что любит этот город особенно сильно именно тогда, когда он мешает ей опаздывать.

В офис «Люмьер Декор» она ворвалась в восемь ноль три.

— Три минуты, — объявила секретарь Софи, не отрываясь от монитора. — Клер ещё никого не убила.

— Значит, день начинается удачно.

— Она ждёт тебя.

Эва остановилась.

— Уже передумала.

Софи улыбнулась.

— Поздно.

Кабинет Клер был стеклянным со всех сторон, поэтому скрыться по пути к своему столу не получилось бы даже при большом желании. Эва постучала и вошла.

Клер сидела за столом, листая документы. В свои сорок два она выглядела так, будто никогда в жизни не опаздывала, не пачкала тушь под глазами и не ела сыр прямо над раковиной в два часа ночи.

— Садись.

— Если это про вазу, которую я вчера забрала с собой, она вернётся.

Клер подняла глаза.

— Ты забрала вазу?

— Забудем эту часть.

— Сядь, Эва.

Она села.

На столе лежала папка с логотипом Rivière Groupe.

Эва посмотрела на неё, потом на Клер.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Папка сказала.

— Тогда она сэкономила мне время.

Клер развернула к ней несколько визуализаций. Новый ресторан. Светлый камень, тёмное дерево, открытая кухня, огромные окна, внутренний двор с деревьями. Красиво до раздражения.

— «Астер», — сказала Клер. — Новый проект Ривьера. Открытие через шесть недель.

— Поздравляю Ривьера.

— Поздравляю тебя.

Эва медленно подняла глаза.

— Нет.

— Да.

— Клер.

— Эва.

— У нас есть Жанна.

— В декрете.

— Матье.

— В Лионе до ноября.

— Ты.

— Я владею компанией. Это освобождает меня от некоторых видов страдания.

Эва откинулась на спинку стула.

— Я не руководила проектом такого масштаба одна.

— Руководила половиной такого масштаба три раза. И каждый раз делала половину работы руководителя, который стоял над тобой и получал больше денег.

Это было настолько точно, что спорить стало труднее.

Клер смягчилась.

— Ты хотела больше ответственности.

— Я хотела повышение зарплаты.

— Это идёт вместе.

— Вот теперь разговор становится приятнее.

Клер протянула ей договор.

— Александр Ривьер попросил, чтобы проект вела именно ты.

Эва не сразу взяла бумаги.

— Что?

— Именно ты.

— Почему?

— Не знаю. Может, ему понравились анемоны.

— Анемоны ставила Селин.

Клер посмотрела на неё поверх очков.

— Тогда, возможно, ему понравилось что-то другое.

Эва почувствовала, как по шее поднимается тепло.

— Мы разговаривали пять минут.

— Я не спрашивала.

— Ты сейчас очень явно спрашиваешь лицом.

— Моё лицо принадлежит мне.

— Как удобно.

Клер усмехнулась.

— В одиннадцать вы встречаетесь на объекте. Возьми образцы, смету и желание не спорить с заказчиком.

— Последнего нет на складе.

— Закажи.

* * *

«Астер» находился в шестом округе, на тихой улице в нескольких минутах от Люксембургского сада. Пока ресторан был больше похож на красивую строительную катастрофу: кабели свисали с потолка, рабочие носили панели, воздух пах деревом, пылью и свежей штукатуркой.

Эва надела каску и прошла внутрь.

Александр стоял у будущей барной стойки вместе с архитектором. Сегодня он был в тёмных брюках и графитовом пальто, без галстука. Увидев Эву, он закончил разговор и направился к ней.

— Мадемуазель Морель.

— Месье Ривьер.

— Вы всё-таки нашли выход из моего кабинета.

— С трудом. План эвакуации у вас тоже загадочный.

Он посмотрел на её каску.

— Вам идёт.

— Это самый романтичный комплимент, который я слышала на стройке.

Сказав это, Эва тут же мысленно выругалась. Почему она вообще использовала слово «романтичный»?

Но Александр только чуть прищурился.

— Я учту уровень конкуренции.

К ним подошёл архитектор, и разговор перешёл к делу.

Следующий час Эва почти забыла, с кем спорит. Она ходила по залу, отмечала точки света, задавала вопросы о розетках, требовала показать материалы для стен и отказалась от предложенных металлических перегородок между столами.

— Они красивые, — сказал архитектор.

— Они делают зал холодным.

— Это современно.

— Морг тоже современный, если хорошо отремонтировать.

Архитектор замолчал.

Александр кашлянул, скрывая улыбку.

— Оставим без перегородок, — сказал он.

Эва повернулась к нему.

— Вы даже не будете спорить?

— А вы хотите?

— Я готовилась.

— Сэкономим вам силы.

Она с подозрением посмотрела на него и пошла дальше.

Через двадцать минут спор всё-таки случился.

Из-за цвета центральной стены.

Александр хотел почти чёрный зелёный. Эва — глубокий оливковый на два тона светлее.

— Вечером ваш вариант поглотит весь свет, — объяснила она.

— В этом идея.

— Тогда зачем вы наняли декораторов? Покрасьте всё чёрным и выключите лампы.

— Экономия впечатляет.

— Я могу выставить счёт за консультацию.

Архитектор снова сделал вид, что очень занят чертежом.

Александр подошёл к стене, приложил два образца рядом.

— Вы всегда так разговариваете с клиентами?

— Только с теми, кто выбирает неправильный зелёный.

Он повернул к ней голову.

Расстояние между ними неожиданно оказалось маленьким. Эва почувствовала лёгкий запах его парфюма — древесный, сухой, почти незаметный.

— А если клиент не согласен?

— Я даю ему время понять ошибку.

— Сколько?

— Зависит от способности к обучению.

Взгляд Александра задержался на её лице.

— Шесть недель хватит?

Эва почему-то перестала улыбаться.

В этот момент вокруг продолжали работать люди, дрель визжала у дальней стены, кто-то уронил металлический профиль. Но пространство между ними будто стало тише.

Она первой отвела глаза.

— Если будете стараться.

Александр вернулся к образцам.

— Берём ваш зелёный.

— Так быстро?

— Я умею учиться.

* * *

После встречи они вышли на улицу одновременно.

Эва прижимала к груди папку, пытаясь одной рукой открыть зонт. Порыв ветра тут же вывернул его в другую сторону.

— Прекрасно, — сказала она.

Александр стоял под навесом и наблюдал.

— Не помогайте, — предупредила Эва. — Я почти победила.

— Видно.

Она дёрнула спицу. Зонт хлопнул и окончательно сдался. Александр протянул свой.

— Возьмите.

— А вы?

— Машина в двадцати метрах.

Эва посмотрела вдоль улицы. Чёрный седан действительно стоял у тротуара.

— А у меня метро в ста пятидесяти.

— Тем более.

Она не взяла.

— Верну завтра.

— Это угроза?

— Обещание.

На этот раз он улыбнулся открыто.

Эва взяла зонт.

И только спустившись в метро, заметила маленькую металлическую пластину на ручке с выгравированными инициалами A.R.

Очень скромно.

Она провела большим пальцем по холодному металлу и тут же одёрнула себя.

Это был всего лишь зонт.

Проект — всего лишь работа.

Шесть недель — всего лишь срок.

Эва понятия не имела, что уже к концу первой из них ей придётся повторять это себе гораздо чаще.

Глава 3. Неправильный зелёный

На третий день работы над «Астером» Эва поняла две ве-

щи.

Во-первых, Александр Ривьер действительно участвовал в проекте сам, а не появлялся на стройке раз в неделю ради фотографий.

Во-вторых, это было ужасно неудобно.

Он замечал всё.

Если ткань на банкетке отличалась от утверждённого оттенка на полтона — замечал. Если поставщик присылал образец дерева с более холодным подтоном — замечал. Если Эва переносила встречу на пятнадцать минут — замечал тоже.

— У вас пугающая память, — сказала она в четверг, когда он напомнил, что во вторник она обещала прислать варианты посуды к пяти, а прислала в пять семнадцать.

— У вас пугающее отношение ко времени.

— Семнадцать минут не разрушают бизнес.

— Это философия или признание?

— Это попытка сохранить психику.

Они стояли посреди будущего зала, окружённые коробками со светильниками. Рабочие ушли на обед, и впервые за утро вокруг было тихо.

Александр снял пальто и положил его на спинку стула. Эва сидела на полу, разложив вокруг себя образцы тканей.

— Вы специально выбрали самый неудобный способ работать? — спросил он.

— На полу лучше видно сочетания.

— Стол в двух метрах.

— Стол ограничивает мышление.

— Конечно.

Он присел на корточки рядом.

Эва подняла глаза.

— Вы что делаете?

— Ограничиваю мышление вместе с вами.

Она фыркнула и подвинула к нему три образца.

— Выбирайте.

— Вы же всё равно скажете, что я выбрал неправильно.

— Я пытаюсь дать вам ощущение контроля.

— Очень щедро.

Он взял тёмно-зелёную ткань.

— Эта.

— Нет.

— Я даже не удивлён.

— Она слишком тяжёлая. Через месяц на ней будет видно каждую складку.

— Тогда зачем вы её принесли?

Эва замерла.

— Чтобы проверить вас.

— И?

— Есть куда расти.

Александр покачал головой.

Она потянулась за другим образцом одновременно с ним.
Их руки снова встретились.

На этот раз никто не отдёрнул свою сразу.

Эва чувствовала тепло его пальцев через тонкую ткань.

Просто секунда. Может, две.

Потом Александр медленно убрал руку.

— Эта? — спросил он уже тише.

— Эта.

Она тоже смотрела на ткань, хотя вообще не видела её цвета.

Телефон Александра зазвонил.

Он поднялся, взглянул на экран, и выражение его лица мгновенно стало другим — собранным, закрытым.

— Мне нужно ответить.

— Я не держу.

Он отошёл к окну.

Эва попыталась вернуться к образцам, но невольно слышала обрывки разговора.

— Нет... Совет собирается в понедельник... Я сказал, что не подпишу... Жюльен, прекрати.

Тот самый Жюльен, которого она слышала в его кабинете в первую ночь.

Александр заметил её взгляд и отвернулся к окну.

Эва сразу опустила глаза.

Не её дело.

Через несколько минут он закончил разговор.

— Простите.

— За что?

— Вы слышали.

— Я умею не слушать чужие разговоры.

— Судя по лицу, не очень.

Она подняла голову.

— Судя по вашему, вам не очень нравится этот Жюльен.

Александр некоторое время молчал.

— Он мой партнёр.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

— Тогда я не задавала вопрос.

Эва собрала образцы в стопку.

Он смотрел на неё с лёгким недоверием.

— Вы действительно не будете расспрашивать?

— Мы знакомы три дня. Я ещё не заработала право лезть в ваши семейные тайны, бизнес-скандалы и список людей, которых вы хотите выбросить из окна.

— Жюльен не родственник.

— Уже одна загадка решена.

Александр рассмеялся.

Его телефон снова завибрировал, но он не посмотрел на экран.

— Вы обедали?

Эва моргнула.

— Что?

— Сейчас почти два.

— У меня был кофе.

— Это не еда.

— Не говорите это французам.

— Через дорогу есть быстро.

— У меня встреча с поставщиком через сорок минут.

— Значит, у вас есть тридцать.

— Вы приглашаете меня на обед?

Вопрос прозвучал слишком прямо. Эва почувствовала, как сама же загнала их в странную паузу.

Александр не отвёл взгляда.

— Я предлагаю накормить человека, который выбирает ткани для моего ресторана сидя на полу.

— Очень профессионально.

— Исключительно.

Она должна была отказаться.

По крайней мере, так подсказывала та часть мозга, которая отвечала за здравый смысл.

— Тридцать минут, — сказала Эва.

— Я засеку.

* * *

Быстро оказалось маленьким, с шестью столиками и хозяйкой, которая встретила Александра так, будто знала его лет двадцать.

— Саша! — воскликнула она и тут же обняла его.

Эва остановилась за его спиной.

Александр выглядел почти смущённым.

— Мадам Бернар, я просил вас не называть меня так при

людях.

— Тогда не приходи с людьми.

Она посмотрела на Эву с таким интересом, что та едва не рассмеялась.

— А это кто?

— Эва. Она работает над «Астером».

— Только работает?

— Только работает, — одновременно ответили они.

Мадам Бернар просияла.

— Конечно.

И ушла к кухне.

Эва села напротив Александра.

— Саша?

— Даже не начинайте.

— Я ничего не сказала.

— Вы сказали лицом.

— Моё лицо принадлежит мне.

Он узнал собственную фразу и тихо рассмеялся.

Через несколько минут перед ними поставили две тарелки лукового супа, хотя они ничего не заказывали.

— Я здесь ел после университета, — пояснил Александр.

— Когда работал в первом ресторане отца.

— Работал?

— Официантом.

Эва недоверчиво посмотрела на его часы, стоимость которых, вероятно, равнялась её годовой аренде.

— Добровольно?

— Отец считал, что прежде чем управлять рестораном, нужно научиться носить поднос и не проливать вино на людей.

— Получалось?

— Первые две недели — нет.

— Это очень утешительно.

Он рассказал, как однажды уронил четыре бокала шампанского на юбилей какого-то депутата. Эва смеялась так громко, что мадам Бернар выглянула из кухни.

В какой-то момент она поймала себя на том, что перестала видеть перед собой «владельца сети». Просто мужчину, который умеет смеяться над собой и доедает хлебом остатки супа.

И именно это оказалось опаснее всего.

Когда они вернулись на улицу, дождь закончился.

— Тридцать семь минут, — сказала Эва, посмотрев на телефон.

— Катастрофа.

— Я выставлю вам счёт за семь.

— Добавьте к смете.

Они дошли до входа в «Астер».

Эва уже потянулась к двери, когда Александр сказал:

— Эва.

Она обернулась.

Он редко называл её по имени без «мадемуазель Морель»,

и почему-то от этого голос звучал ближе.

— Да?

— Зонт.

— Чёрт.

Она совершенно забыла о нём.

— Он у меня дома.

— Я переживу ещё день.

— Не уверена. Там ваши инициалы.

— Поэтому я знаю, что он вернётся.

Эва прищурилась.

— Вы слишком уверены в людях.

Александр посмотрел на неё так, будто она случайно сказала что-то совсем не про зонт.

— Нет, — ответил он после короткой паузы. — Как раз наоборот.

И первым вошёл внутрь.

Глава 4. Лишний стул

В пятницу Эва должна была встретиться с поставщиком мебели в шоуруме на другом конце города.

Она приехала на десять минут раньше — редкое событие, которым намеревалась гордиться минимум неделю, — и обнаружила, что Александр уже там.

— Это нечестно, — сказала она вместо приветствия.

Он поднял глаза от каталога.

— Что именно?

— Я пришла раньше.

— Поздравляю.

— А вы пришли ещё раньше и испортили момент.

— Простите. В следующий раз буду опаздывать ради вашего эмоционального комфорта.

— Спасибо.

Менеджер шоурума провёл их в зал с образцами стульев. Началась почти двухчасовая пытка, во время которой Эва садилась, вставала, трогала обивку, проверяла высоту спинки и категорически запрещала покупать всё, что «красиво только первые десять минут».

Александр терпеливо участвовал.

На сороковом стуле он сказал:

— Я начинаю ненавидеть мебель.

— Отлично. Значит, мы близки к правильному выбору.

— Какая связь?

— Хороший дизайн рождается после отчаяния.

— Это ваша профессиональная теория?

— Нет. Жизненная.

В итоге они выбрали модель из тёмного ореха с мягкой кремовой спинкой.

Менеджер ушёл оформлять заказ, а Эва заметила в углу один стул другой серии — простой, светлый, с изогнутой деревянной спинкой.

Она села на него.

— Вот этот я бы забрала домой.

— Почему?

— На нём можно сидеть с ногами.

— Основной критерий мебели.

Эва подтянула колени к груди, демонстрируя.

— Видите? Идеально.

Александр смотрел на неё с таким выражением, что она опустила ноги.

— Что?

— Ничего.

— Вы опять сказали лицом.

Он отвёл взгляд к окну.

— Просто пытаюсь представить вас дома.

Эва замолчала.

Фраза была невинной. По крайней мере, могла быть.

Но под кожей что-то дрогнуло.

— Там гораздо меньше стульев, — сказала она.

— Я надеялся.

Менеджер вернулся, и момент исчез.

* * *

Днём на объект привезли часть светильников. Вместе с ними — коробки с декоративными панелями, которые должны были приехать только на следующей неделе.

Грузчики поставили всё прямо у входа и уехали.

— Великолепно, — сказала Эва, глядя на двенадцать тяжёлых ящиков. — Кто-то сегодня умрёт.

— Надеюсь, не поставщик, — отозвался Александр. — Он ещё не прислал счёт.

Эва закатала рукава.

— Что вы делаете?

— Перетаскиваю коробки.

— Для этого есть рабочие.

— Они на обеде.

— Подождите двадцать минут.

— Через двадцать минут пойдёт дождь.

Она взялась за край первого ящика.

Александр встал напротив.

— Вы серьёзно?

— Спросил человек, который собирается поднять это одна.

— Вы в пальто.

Он снял пальто и бросил на ближайший стул.

— Теперь нет.

Эва открыла рот, но спорить было уже поздно.

Они поднимали ящик вдвоём.

— На три, — сказала она.

— Мы уже поднимали.

— Вы нарушили систему.

— Мне стыдно.

— Должно быть.

Ящик оказался тяжелее, чем выглядел. Они донесли его до стены, поставили, и Эва выдохнула.

— Осталось одиннадцать.

— Вы счастливы?

— Невероятно.

К пятому ящику Александр расстегнул ещё одну пуговицу рубашки. К восьмому Эва собрала волосы резинкой. На десятом они одновременно схватились за ручку, задели друг друга плечами и чуть не уронили коробку.

— Осторожно, — сказал Александр, резко придерживая её за талию.

Эва замерла.

Его ладонь лежала на её боку поверх тонкого свитера. Большая, тёплая. Слишком уверенная.

Он тоже не двигался.

Коробка стояла между ними под странным углом, но ни один будто не замечал.

— Я держусь, — тихо сказала Эва.

— Я вижу.

Ладонь осталась на её талии ещё секунду.

Потом Александр медленно убрал руку.

— Простите.

— Всё нормально.

Она сказала это слишком быстро.

Они молча донесли последние два ящика.

Рабочие вернулись как раз в тот момент, когда всё было закончено.

— Прекрасный тайминг, — пробормотала Эва.

Александр взял пальто.

— Кофе?

— Это компенсация за физический труд?

— За нарушение системы.

— Тогда двойной.

Они вышли в маленькую кофейню по соседству.

У стойки девушка-бариста узнала Александра и сразу стала заметно внимательнее поправлять волосы.

Эва сделала вид, что не видит.

— Американо без сахара, — заказал он.

— Капучино с корицей, — сказала Эва.

— И два круассана, — добавил Александр.

Она повернулась.

— Я не просила.

— Вы опять не обедали.

— Вы следите?

— Вы весь день рядом. Это не требует слежки.

Бариста положила круассаны в пакет и улыбнулась Александру чуть шире, чем требовала работа.

Эва взяла свой стакан.

— Кажется, вам оставили номер телефона на салфетке.

Он посмотрел вниз.

Действительно. Рядом с его чашкой лежала бумажная салфетка с цифрами.

— Бывает, — сказал Александр.

— Как тяжело вам жить.

— Иногда невыносимо.

— Вы возьмёте?

Вопрос выскочил сам.

Эва мгновенно пожалела.

Александр поднял на неё глаза.

— Салфетку?

— Номер.

— Зачем?

— Не знаю. Люди обычно оставляют их с каким-то расчётом.

— Мне неинтересно.

Он взял салфетку, сложил пополам и выбросил в урну.

Эва сделала глоток кофе, старательно глядя в окно.

— Довольны?

Она едва не подавилась.

— Мне всё равно.

— Конечно.

— Вы невозможный.

— Вы спросили.

— Это была социология.

— Научный интерес.

— Именно.

Александр улыбнулся и протянул ей пакет с круассаном.

— Ешьте, учёный.

Эва выхватила пакет.

— Не командуйте.

— Даже не думал.

Она знала, что он врёт.

Хуже было другое: ей нравилось, как это звучало.

* * *

Вечером, когда Эва уже собиралась уходить, на объект приехала женщина.

Высокая, светловолосая, в светлом кашемировом пальто, которое сидело на ней так, будто его шили прямо на теле. Она вошла без каски, без разрешения и сразу направилась к Александру.

— Ты не отвечаешь, — сказала она.

Он напрягся едва заметно.

— Камилла.

Женщина поцеловала его в щёку.

Слишком привычно.

Эва отвернулась к своему ноутбуку.

Не её дело.

Совершенно.

— Ужин у Лорана через час, — продолжила Камилла. — Ты обещал быть.

— Я помню.

— Тогда почему ты всё ещё здесь?

Камилла впервые заметила Эву.

— Простите. Мы знакомы?

— Эва Морель. Декоратор.

— А. Та самая Эва.

Эва медленно подняла взгляд.

— Надеюсь, в хорошем смысле.

Камилла улыбнулась.

— Александр упоминал вас.

Теперь Эва посмотрела на него.

Он выглядел так, будто предпочёл бы оказаться под теми двенадцатью коробками.

— Правда? — спросила она.

— По работе, — быстро сказал Александр.

— Конечно, — мягко протянула Камила.

В её голосе не было ревности. Скорее слишком хорошее знание человека рядом.

Это почему-то раздражало сильнее.

Эва закрыла ноутбук.

— Я закончила на сегодня.

— Я вас подвезу, — сказал Александр.

Камилла повернула к нему голову.

— Мы опаздываем.

— У меня метро, — вмешалась Эва. — Не надо.

Она надела пальто.

— До понедельника.

— Эва...

— Хорошего ужина.

Она вышла прежде, чем он успел сказать что-то ещё.

На улице уже темнело.

Эва прошла половину квартала и только потом поняла, что идёт слишком быстро.

«Та самая Эва».

Глупость.

У Александра могла быть жена, бывшая жена, невеста, любовница, три женщины одновременно — и это никак её не касалось.

Они работали вместе четыре дня.

Четыре.

Эва сунула руки в карманы пальто и с досадой обнаружила внутри ручку от его зонта.

Она снова забыла его вернуть.

— Чёрт, — тихо сказала она.

И почему-то это слово относилось уже совсем не к зонту.

* * *

До дома Эва дошла под мелким дождём, который не решился стать настоящим ливнем. В прихожей она бросила сумку на стул, сняла пальто и только тогда снова увидела ручку зонта, торчащую из кармана.

— Ты издеваешься, — сказала она предмету.

Зонт, разумеется, не ответил.

Эва поставила чайник, переделалась в старую футболку и минут десять честно пыталась думать о чём-нибудь другом. О тканях для банкетки. О счёте от столяров. О том, что завтра надо наконец купить нормальные продукты, потому что сыр, горчица и половина лимона не считаются ужином.

Телефон завибрировал на столе.

Александр: «Добрались?»

Она посмотрела на сообщение дольше, чем требовал та-

кой простой вопрос.

«Да».

Через несколько секунд:

«Зонт тоже?»

Эва фыркнула.

«Он отказывается от вас. Просит политического убежища».

Ответ пришёл почти сразу.

«Предатель».

Она улыбнулась и тут же перестала улыбаться, словно кто-то мог это увидеть.

Пальцы сами набрали: «Ужин прошёл хорошо?»

Эва не отправила.

Стерла.

Написала: «Камилла давно вас знает?»

Стерла ещё быстрее.

Телефон снова завибрировал.

«Вы всегда так долго отвечаете на вопрос из одного слова?»

Эва прищурилась.

«Я занята. У меня серьёзные переговоры с вашим зонтом».

«И кто побеждает?»

«Я. Как обычно».

Три точки на экране появились, исчезли и появились снова.

«Не сомневался».

Почему-то именно эта фраза задела сильнее всего. Не комплимент. Не флирт. Простая уверенность, будто он уже успел что-то о ней понять.

Эва выключила экран.

Чайник щёлкнул.

Она налила воду в кружку и обнаружила, что улыбается снова.

— Плохо, — сказала Эва вслух.

Через стену соседка включила музыку. Сверху кто-то уронил что-то тяжёлое. За окном проехал автобус, размазывая свет по мокрому асфальту. Обычная пятница, обычная маленькая квартира, обычный рабочий проект.

Телефон снова загорелся.

«Камилла — мой друг. И бывшая. Давно бывшая. На случай, если вы собирались спросить, но передумали».

Эва уставилась на экран.

Потом медленно села за стол.

Вот теперь улыбаться расхотелось по другой причине.

Она набрала: «Я не собиралась».

Ответ:

«Конечно».

— Ненавижу вас, — пробормотала Эва.

«И зонт верните в понедельник».

Она засмеялась так неожиданно, что едва не пролила чай. В понедельник, решила Эва, она вернёт зонт, не задаст ни

одного личного вопроса и будет вести себя исключительно профессионально.

План был безупречным.

Именно поэтому у него не было ни единого шанса.

Глава 5. Не моя ревность

В понедельник Эва пришла на объект в восемь двадцать. Александра не было.

Это должно было облегчить утро.

Не облегчило.

Она провела первые два часа с электриками, затем спорила по телефону с поставщиком ткани и в одиннадцать наконец устроилась за временным столом с ноутбуком.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Клер:

«Как Ривьер?»

Эва ответила:

«Богат».

Через секунду:

«Я о проекте».

«Тоже».

«Ты невозможна».

Эва улыбнулась и убрала телефон.

— Хорошее настроение?

Она подняла глаза.

Александр стоял напротив стола.

Без пальто, с двумя стаканами кофе в руках.

— Вы подкрадываетесь.

— Я вошёл через дверь.

— Тихо.

Он поставил перед ней капучино.

На крышке маркером было написано: «С корицей».

Эва посмотрела на стакан, потом на него.

— Вы запомнили.

— Это пугающая память, помните?

Она взяла кофе.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Александр сел напротив.

Несколько секунд они молчали.

Эва знала, что разговор пятницы висит между ними, хотя никто его не начинал.

Он сделал это первым.

— Камилла — моя бывшая невеста.

Эва чуть не поставила стакан мимо стола.

— Я не спрашивала.

— Знаю.

— Тогда зачем рассказываете?

Александр посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что в пятницу вы ушли так, будто хотели хлопнуть дверью, но дверь оказалась слишком тяжёлой.

— Я не ревновала.

— Я не сказал, что ревновали.

— Вы подумали.

— Возможно.

— Ошиблись.

— Хорошо.

Он произнёс это слишком спокойно.

Эва прищурилась.

— Что значит «хорошо»?

— То и значит.

— Не улыбайтесь.

— Я не улыбаюсь.

— У вас глаза улыбаются.

— Это уже сложно контролировать.

Эва скрестила руки на груди.

— Я ушла, потому что рабочий день закончился.

— Конечно.

— И мне всё равно, с кем вы ужинаете.

— Я понял.

— Перестаньте соглашаться таким тоном.

Теперь он всё-таки рассмеялся.

Эва хотела разозлиться, но вместо этого сама улыбнулась.

— Невыносимый человек.

— Вы уже говорили.

— Значит, ничего не изменилось.

Александр отпил кофе.

— Мы с Камиллой расстались два года назад. Остались друзьями. Её семья участвует в нескольких наших проектах.

Эва посмотрела на экран ноутбука.

— Вы не обязаны мне это объяснять.

— Знаю.

— Тогда почему объясняете?

На этот раз он не ответил сразу.

Шум стройки за стеной будто стал громче.

— Сам пытаюсь понять, — сказал Александр.

Эва медленно подняла взгляд.

Их разговор неожиданно перестал быть игрой.

Он смотрел на неё без улыбки.

Слишком прямо.

Эва почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Нам нужно утвердить свет над баром, — произнесла она.

Александр задержал взгляд ещё секунду и кивнул.

— Нам нужно утвердить свет.

Они оба знали, что сменили тему намеренно.

* * *

День прошёл спокойно до четырёх часов.

В четыре в ресторан вошёл мужчина с камерой на плече.

— Морель!

Эва обернулась и расплылась в улыбке.

— Лукас?

Он широко развёл руки.

— Живая.

— К сожалению для некоторых.

Лукас Леруа был фотографом, с которым Эва работала на десятках мероприятий. Высокий, рыжеватый, с вечной щетиной и способностью появляться в жизни ровно тогда, когда требовалась шутка или бесплатный бокал вина.

Он обнял Эву.

— Клер сказала снять помещение до финального декора. Где мой кофе за моральный ущерб?

— Ты работаешь пятнадцать минут и жалуешься профессионально.

— Талант.

Александр вышел из подсобного помещения как раз в тот момент, когда Лукас всё ещё держал руку у Эвы на плечах.

Его взгляд скользнул по руке.

Потом по лицу Лукаса.

— Александр Ривьер, — представила Эва. — Лукас Леруа, фотограф.

Мужчины пожали руки.

— Мы раньше не встречались? — спросил Александр.

— Снимал открытие «Оникса» три года назад.

— Точно.

Лукас повернулся к Эве.

— После съёмки выпьем?

— Сегодня?

— Сегодня понедельник. Нужно дать неделе шанс стать лучше.

— Аргумент.

— В семь?

Эва задумалась.

— Давай.

— Отлично.

Лукас ушёл выбирать ракурсы.

Эва вернулась к планшету.

— Вы давно знакомы? — спросил Александр.

Она подняла глаза.

— С Лукасом? Года четыре.

— Вы встречались?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Эва рассмеялась.

— Простите?

— Забудьте.

— Нет-нет. Теперь мне интересно.

— Это был лишний вопрос.

— Совершенно.

Александр взял со стола чертёж.

— Значит, не отвечайте.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Что «нет»?

— Не встречались.

— Понятно.

Эва склонила голову.

— Вы ревнуете?

— Нет.

— Очень быстро.

— Потому что ответ простой.

— Конечно.

— Перестаньте соглашаться таким тоном.

Эва не выдержала и рассмеялась.

— Моими же словами?

— Вы плохое влияние.

— Четыре дня назад я была просто декоратором.

— Пять.

— Вы считаете?

Александр замолчал.

И вот это молчание оказалось ответом сильнее любого «да».

* * *

В семь двадцать Эва сидела с Лукасом в баре неподалёку.

Они заказали по бокалу вина и тарелку сыра. Лукас рассказывал о неудачной съёмке свадьбы, где жених потерял кольцо в фонтане, а Эва смеялась.

Телефон лежал экраном вниз.

Она перевернула его только когда Лукас ушёл заказать вторую тарелку.

Одно сообщение.

От Александра.

«Вы забыли зонт».

Эва уставилась на экран.

Потом набрала:

«Он у меня дома».

Ответ пришёл почти сразу.

«Тогда забыли телефонный кабель. Он на столе».

Она вспомнила белый кабель возле ноутбука.

«Заберу завтра».

Три точки появились, исчезли, появились снова.

«Хорошего вечера, Эва».

Она прочитала сообщение дважды.

— Кто? — спросил вернувшийся Лукас.

Эва перевернула телефон.

— По работе.

— По работе обычно не заставляют улыбаться так.

— Я не улыбаюсь.

Лукас поднял брови.

— Конечно.

Эва бросила в него салфеткой.

Но через полчаса, когда они вышли из бара и Лукас по-дружески поцеловал её в щёку, Эва почему-то подумала не о нём.

Она подумала о мужчине, который сказал, что не ревнует.

И о том, что сама она, вероятно, врала не лучше.

Глава 6. За городом

Во вторник утром Клер сообщила, что поставщик растений отменил доставку двух оливковых деревьев.

— Отменил — это как? — спросила Эва, прижав телефон плечом и одновременно пытаясь открыть коробку канцеляр-

ским ножом.

— Как люди обычно отменяют то, что обещали сделать.
Написали письмо в семь утра и исчезли.

— Открытие через пять недель.

— Я умею считать.

— Эти деревья были центром внутреннего двора.

— Тоже знаю.

Эва закрыла глаза.

— Я найду другие.

— Уже нашла. Питомник возле Фонтенбло. У них есть два взрослых оливковых дерева подходящего размера, но они не дают резерв без личного подтверждения.

— Тогда я поеду.

— Я отправила адрес.

— Спасибо.

— И ещё.

— Я ненавижу твоё «и ещё».

— Ривьер едет с тобой.

Эва замерла с ножом в руке.

— Зачем?

— Потому что деревья стоят как подержанная машина, а он хочет увидеть их сам.

— Есть фотографии.

— Скажи это ему.

— Скажу.

Клер хмыкнула.

— Конечно, скажешь.

Через двадцать минут Александр вошёл в зал.

— Мне сообщили, что мы едем за деревьями, — сказал он.

— Мне сообщили то же самое. Я считаю это заговором.

— Машина внизу.

— У меня есть машина.

— У вас нет.

— Откуда вы знаете?

— В пятницу вы ехали на метро. Вчера тоже.

— Может, я люблю метро.

— Вы вчера написали Клер, что ненавидите линию четыре.

Эва медленно положила нож на стол.

— Она вам это показала?

— Она переслала сообщение в общий чат проекта.

Эва схватила телефон. Действительно. Сообщение «если линия четыре ещё раз остановится в тоннеле, я перееду в Марсель» красовалось в рабочем чате рядом с фотографией светильников.

— Я увольняюсь.

— После открытия.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

* * *

За Парижем небо стало светлее. Дорога уходила между

полями, деревья вдоль трассы уже начинали желтеть, и городская суeta постепенно оставалась позади.

Эва сидела на пассажирском сиденье и листала фотографии растений на планшете.

Александр вёл сам.

Это почему-то удивило её.

— Что? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги.

— Ничего.

— Вы смотрите на меня уже минуту.

— Я думала, у вас водитель.

— Есть.

— И где он?

— Сегодня выходной.

— Вы умеете водить самостоятельно. Ещё один миф разрушен.

— Какой был первый?

— Что вы никогда не носили поднос.

— Тяжёлый день для моего имиджа.

Эва улыбнулась и вернулась к планшету.

Через несколько километров Александр включил музыку. Негромкий старый соул.

Эва повернулась.

— Серьёзно?

— Что?

— Я ожидала от вас что-нибудь бездушно дорогое. Джаз, который понимают только люди с винным погребом.

— У меня есть винный погреб.

— Конечно, есть.

— Но музыку я выбираю не по недвижимости.

Она рассмеялась.

Дорога заняла почти час. Они спорили о том, можно ли считать кофе завтраком, обсуждали оформление двора и неожиданно обнаружили одинаковую ненависть к искусственным цветам.

— Даже хорошие выглядят мёртвыми, — сказала Эва.

— Потому что они притворяются живыми.

Она посмотрела на него.

— Это прозвучало слишком философски для пластикового фикуса.

— У меня сложные отношения с фикусами.

— Не хочу знать.

— И правильно.

Питомник оказался огромным: стеклянные теплицы, ряды деревьев в кадках, запах влажной земли и листьев. Хозяин, пожилой мужчина по имени Анри, встретил их у склада.

Оливковые деревья стояли в дальнем павильоне.

Они были красивее, чем на фотографиях: кривые светлые стволы, серебристые листья, широкая крона.

Эва обошла первое дерево по кругу.

— Это.

— Вы даже второе не посмотрели, — сказал Александр.

— Это тоже возьмём.

— Очень тщательный выбор.

— Иногда видно сразу.

Она положила ладонь на грубую кору.

— Смотрите, как ствол идёт. Во дворе свет падает справа.

Если повернуть его вот так, тень будет ложиться на стену вечером.

Александр смотрел не на дерево.

— Что?

— Ничего.

— Опять.

— Вы меняете голос, когда говорите о том, что любите.

Эва опустила руку.

— Я говорю о растении.

— Я о работе.

Она не нашлась с ответом сразу.

Анри позвал их посмотреть ещё один экземпляр на открытой площадке.

Там земля после ночного дождя была мокрой. Эва сделала два шага и поскользнулась.

Александр поймал её за локоть и талию одновременно.

На этот раз движение было резким, инстинктивным.

Эва оказалась почти прижата к нему.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Да.

Она подняла голову.

Его лицо было совсем близко.

Несколько прядей волос упали на лоб. Взгляд опустился к её губам — всего на секунду, но Эва это увидела.

И почувствовала, как дыхание сбилось.

Александр тоже понял, что произошло.

Его пальцы на её талии слегка сжались.

Потом он отпустил.

— Здесь скользко.

— Я заметила.

Они оба сделали шаг назад.

Анри, шедший впереди, ничего не заметил.

Эва следующие десять минут рассматривала деревья с такой сосредоточенностью, будто от выбора зависела экономика Франции.

* * *

Обратно они выехали около трёх.

Через пятнадцать минут на приборной панели загорелся предупреждающий индикатор.

Александр нахмурился.

— Только не говорите, что мы сломались, — сказала Эва.

— Я ничего не говорю.

— У вас лицо говорит.

— Моё лицо принадлежит мне.

— Ненавижу, когда вы используете это против меня.

Он съехал на небольшой парковочный карман у дороги и заглушил двигатель.

— Пять минут.

— Вы разбираетесь в машинах?

— Достаточно, чтобы понять, что не хочу лезть под капот в белой рубашке.

Эва вышла вслед за ним.

Вокруг был лес, дорога почти пустая. Воздух пах мокрыми листьями.

Александр открыл капот, посмотрел внутрь и вздохнул.

— Что?

— Ничего героического. Датчик температуры. Эвакуатор будет через сорок минут.

— Значит, мы застряли.

— Временно.

Эва прислонилась к машине.

— У вас всегда всё «временно»?

— Что вы имеете в виду?

Она пожала плечами.

— Работа. Проблемы. Люди.

Александр закрыл капот.

— Вы опять задаёте вопросы, на которые не заработали право?

Тон был мягкий, но в нём прозвучала защита.

Эва не обиделась.

— Видимо, сегодня скидка.

Он встал рядом, опираясь спиной на машину.

Несколько секунд они слушали шорох ветра в деревьях.

— Мой отец умер четыре года назад, — сказал Александр

неожиданно. — После этого я получил компанию, долги, совет директоров и много людей, уверенных, что знают, как мне жить.

Эва повернула к нему голову.

— Мне жаль.

Он кивнул.

— Жюльен был его партнёром. Сейчас он мой. Формально.

— Неформально?

— Неформально он считает, что я слишком эмоционален для бизнеса.

Эва фыркнула.

— Вы?

Александр посмотрел на неё.

— Вот именно.

Она улыбнулась.

— Простите.

— Нет, мне тоже кажется смешным.

Он потёр ладонью затылок.

— После смерти отца я решил, что если всё контролировать, ничего больше не рухнет неожиданно.

— Получилось?

Александр посмотрел на дорогу.

— Нет.

Ответ был настолько честным, что Эва перестала улыбаться.

Она знала это чувство. Не в бизнесе стоимостью миллионы, конечно. Но после развода родителей, когда ей было семнадцать, она тоже какое-то время пыталась контролировать всё: оценки, работу, деньги, даже настроение матери. Будто можно заранее расставить мебель в комнате так, чтобы в ней никогда ничего не разбилось.

— Контроль переоценён, — сказала она.

— Это говорит человек, который измеряет расстояние между свечами линейкой.

— Эстетика — другое.

— Конечно.

— Я серьёзно. Некоторые вещи всё равно случаются.

Александр повернул к ней голову.

— Например?

Эва почувствовала, что вопрос стал слишком личным.

— Например, машина ломается посреди леса.

Он смотрел ещё пару секунд, потом усмехнулся.

— Очень глубокая мысль.

— Я стараюсь не перегружать вас философией.

* * *

Эвакуатор приехал через пятьдесят две минуты.

К тому времени Эва успела продрогнуть.

Александр снял пиджак и протянул ей.

— Нет.

— Эва.

— Вы останетесь в рубашке.

— Я не замёрз.

— Мужчины всегда говорят это перед тем, как заболеть.

— Возьмите.

— Не командуйте.

Он просто накинул пиджак ей на плечи.

Эва замолчала.

Ткань была тёплой от его тела и пахла тем самым древесным парфюмом.

— Это нечестный метод, — пробормотала она.

— Работает?

— К сожалению.

Они добрались до города уже в сумерках на машине, которую прислала компания.

У дома Эвы водитель остановился.

Она сняла пиджак и протянула Александру.

— Спасибо за поездку.

— Даже за поломку?

— Она была частью экскурсии.

Александр взял пиджак, но не отпустил сразу край ткани. Их руки оказались рядом.

— Эва.

— Да?

Он смотрел на неё так, будто хотел сказать что-то другое.

Потом отступил.

— Доброй ночи.

Разочарование пришло слишком быстро и слишком явно.

Эва разозлилась на себя.

— Доброй ночи, Александр.

Она вышла из машины и вошла в подъезд, не оглядываясь.

Только поднявшись на второй этаж, подошла к окну лестничной площадки.

Чёрная машина всё ещё стояла у тротуара.

Через несколько секунд она тронулась.

Эва прижала пальцы к холодному стеклу.

Ей не нравилось, что рядом с ним она всё чаще ждала чего-то, чего он ей не обещал.

* * *

В квартире оказалось слишком тихо.

Эва включила свет на кухне, поставила сумку на пол и несколько секунд просто стояла, всё ещё чувствуя на плечах тепло чужого пиджака, хотя вернула его пять минут назад.

Это раздражало.

Она открыла холодильник. Закрыла. Снова открыла, будто за эти три секунды там мог появиться ужин.

Телефон пискнул.

Александр: «Вы не простудились?»

Эва посмотрела на сообщение.

«Это ваша новая корпоративная обязанность — проверять температуру подрядчиков?»

«Только тех, кто отказывается брать пиджак, пока не начинает стучать зубами».

«Я не стучала».

«Я был рядом».

Она прикусила губу.

Нечестно. В переписке он умудрялся звучать так же спокойно, как вживую, и от этого слова становились опаснее.

«Добралась. Жива. Температуру измерять не буду».

«Ужинали?»

Эва посмотрела на сыр и половину лимона.

«Это вопрос?»

«Вопрос».

«Тогда нет».

Через минуту раздался звонок в домофон.

Эва вздрогнула и нажала кнопку.

— Да?

— Доставка.

Она замерла.

— Какая ещё доставка?

— Еда. На Морель.

Эва медленно закрыла глаза.

Через пять минут на столе стоял бумажный пакет с супом, тёплым хлебом и пастой. Без логотипа дорогого ресторана. Обычная маленькая брассери с соседней улицы.

Телефон снова завибрировал.

«Не подарок. Производственная необходимость. Завтра вы нужны мне в рабочем состоянии».

Эва набрала ответ.

«Вы сейчас серьёзно пытаетесь юридически оформить

ужин?»

«Да».

«Я могу сама себя кормить».

Пауза была дольше.

«Знаю».

Одно слово остановило готовую колкость.

Он не написал «я просто хотел помочь». Не написал «не спорьте». Не превратил заботу в распоряжение.

Просто — знаю.

Эва села и открыла контейнер с супом.

«Спасибо».

Ответ пришёл через минуту.

«Пожалуйста».

Она съела половину, прежде чем заметила, что в пакете лежит маленькая записка от ресторана: «Без сельдерея, как просили».

Эва нахмурилась.

Она действительно однажды сказала на объекте, что терпеть не может сельдерей. Между обсуждением плитки и звонком поставщику. Мимоходом. Она сама уже забыла.

А он — нет.

Эва отложила ложку.

Это было хуже красивых жестов. Красивые жесты легко списать на привычку богатого мужчины получать впечатление за деньги.

Запомнить случайную фразу было нельзя купить.

Телефон лежал рядом, чёрный экран отражал лампу над столом.

Она не стала писать ничего ещё.

Но впервые за долгое время ужинала медленно, не стоя у раковины и не листая рабочую почту.

А на другом конце города Александр сидел в машине у светофора и смотрел на короткое «Спасибо», будто получил гораздо больше, чем рассчитывал.

Глава 7. Правило

К концу второй недели «Астер» начал приобретать форму.

Появилась барная стойка, стены покрасили, установили большую часть света. Во внутреннем дворе рабочие подготовили площадки под оливковые деревья. Эва почти жила на объекте: утром приезжала с кофе, вечером уезжала с фотографиями, списками и ощущением, что в голове вместо мыслей лежат образцы ткани.

Александр тоже был там слишком часто.

Они выработали странный ритм.

Он приносил кофе, не спрашивая. Она оставляла на его столе исправленные сметы, дописывая на стикерах комментарии вроде «это преступление против дерева» или «если вы купите эти лампы, я сделаю вид, что мы не знакомы».

Он отвечал на стикерах.

«Угроза не принята».

«Лампы уже отменены. Можете продолжать знакомство».

Однажды Эва нашла на своём ноутбуке записку:

«Неправильный зелёный утверждён».

Она сохранила её в кармане, хотя могла выбросить.

В пятницу вечером они остались вдвоём.

Рабочие ушли, архитектор уехал на другой объект, Клер написала, что Эва обязана «хотя бы сделать вид, что у неё есть жизнь».

Но нужно было проверить новый свет.

Александр выключил верхние лампы.

В зале остались только подвесные светильники над столами и мягкие полосы подсветки вдоль стен.

Эва встала в центре помещения.

— Красиво, — сказала она.

— Это редкий момент, когда вы довольны?

— Запомните дату.

Он подошёл ближе.

— Я запомню.

Слова прозвучали тише обычного.

Эва повернулась.

В полутёмном зале его лицо казалось другим — мягче, без привычной деловой собранности. Вокруг было так тихо, что слышался дождь по стеклу.

— Нужно ещё уменьшить яркость на три процента, — сказала она.

Александр усмехнулся.

— Вот теперь всё вернулось на место.

Эва направилась к пульту, но каблук зацепился за провод. Он поймал её прежде, чем она успела испугаться. Одна ладонь легла на её спину, вторая — на предплечье. Слишком знакомое положение.

Слишком знакомая реакция тела.

— Вы постоянно падаете рядом со мной, — сказал Александр.

— Возможно, вы плохо влияете на гравитацию.

Она должна была отойти.

Не отошла.

Его рука всё ещё лежала на её спине.

Взгляд опустил к её губам.

На этот раз не на секунду.

Эва почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Александр...

Он медленно убрал руку.

Сделал шаг назад.

— Нам нужно поговорить.

Эва почти рассмеялась от нелепости момента.

— Это обычно говорят перед увольнением или расставанием. Мы пока не дошли ни до одного.

— Именно поэтому.

Он включил один из светильников ярче, словно им обоим требовалось больше света.

— Между нами ничего не будет.

Эва моргнула.

— Простите?

— Мы работаем вместе. Вы отвечаете за мой проект. Я не хочу создавать ситуацию, которая усложнит вам работу.

Она несколько секунд смотрела на него.

А потом рассмеялась.

Не потому, что было смешно. Потому что иначе могла сказать что-то гораздо хуже.

— Отлично.

Александр нахмурился.

— Отлично?

— Да. А я разве что-то предлагала?

— Эва.

— Нет, правда. Очень предусмотрительно с вашей стороны сообщить мне, что между нами ничего не будет. Я сегодня как раз пришла с планом соблазнить заказчика возле светового пульта.

— Я не это имел в виду.

— А звучало именно так.

Она взяла сумку.

— Я говорю это не потому, что думаю о вас плохо.

— Какое облегчение.

— Я говорю, потому что...

— Потому что вы контролируете всё, помните? — Эва посмотрела ему прямо в глаза. — Даже то, чего ещё не произошло.

Он замолчал.

Попала.

Эва знала по тому, как напряглась его челюсть.

— Вы правы, — сказала она уже спокойнее. — Мы работаем вместе. Так и оставим.

— Эва...

— Доброй ночи, Александр.

Она вышла в дождь без зонта.

Первые десять метров шла быстро, потом почти побежала к навесу автобусной остановки.

— Идиотка, — прошептала себе.

Не он.

Она.

Потому что вместо облегчения чувствовала обиду.

Потому что где-то внутри уже представляла, как он всё-таки не отступит.

Потому что его правило вдруг сделало очевидным то, что до этого можно было притворно не называть.

Между ними что-то было.

И оба это знали.

* * *

В следующие четыре дня Александр соблюдал своё правило безупречно.

Никаких кофе на её столе.

Никаких обедов.

Никаких личных вопросов.

Только работа.

— Доброе утро, мадемуазель Морель.

— Доброе утро, месье Ривьер.

От этого хотелось кого-нибудь ударить.

К среде Эва злилась уже настолько, что Клер заметила.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ривьер?

— Почему сразу Ривьер?

— Потому что ты режешь ленту так, будто она тебя предала.

Эва посмотрела на ножницы в руке.

— Всё нормально.

Клер села напротив.

— Он сделал что-то?

— Нет. Именно это он и делает. Ничего.

Клер медленно улыбнулась.

— А-а.

— Не «а-а».

— Я вообще ничего не сказала.

— Твоё лицо принадлежит тебе, да, я знаю.

Клер засмеялась.

— Ты вляпалась?

— Нет.

— Эва.

Она бросила ножницы на стол.

— Он решил, что между нами ничего не будет.

— А между вами что-то было?

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

Эва открыла рот.

Закрыла.

— Ненавижу тебя.

— Значит, проблема есть.

— Он сказал это так, будто я уже собиралась на него броситься.

— Собиралась?

— Клер!

— Спрашиваю как работодатель. Вопрос управления рисками.

Эва закрыла лицо ладонями.

— Я хочу закончить проект и больше никогда его не видеть.

— Верю примерно на двадцать процентов.

* * *

В четверг вечером Лукас написал:

«Сегодня выставка в Маре. Идёшь?»

Эва посмотрела на экран.

Ей хотелось выйти из дома. Хотелось перестать думать о неправильном зелёном, тёмных глазах и мужчине, который с чего-то решил определить правила за двоих.

«Иду».

Выставка оказалась шумной, странной и прекрасной. Со-

временная фотография, бокалы вина, люди в чёрном, которые говорили о свете так, будто обсуждали религию.

Лукас был в своей стихии.

Эва впервые за неделю расслабилась.

Они смеялись, спорили у снимка пустого бассейна, потом пошли в маленький бар неподалёку.

— Ты сегодня подозрительно свободна, — сказал Лукас.

— Что это значит?

— Обычно каждые пять минут смотришь в телефон.

— Работа.

— Конечно.

— Не начинай.

— Я ничего.

Он поднял руки.

Позже, когда они вышли на улицу, Лукас предложил про-
водить её до такси.

У тротуара остановилась чёрная машина.

Эва даже не обратила внимания, пока задняя дверь не от-
крылась.

Александр вышел первым.

Следом — двое мужчин в костюмах.

Он увидел Эву сразу.

И Лукаса рядом.

И руку Лукаса на её локте.

Взгляд Александра стал непроницаемым.

— Мадемуазель Морель.

— Месье Ривьер.

Лукас посмотрел с одного на другую.

— У вас всегда так официально?

— Только когда особенно рады встрече, — сказала Эва.

Александр проигнорировал замечание.

— Поздно.

— Я умею определять время.

— Я имел в виду, что вы одна.

Эва посмотрела на Лукаса.

— Очевидно, не одна.

— Я могу подвезти.

— Не нужно.

— Эва.

— Александр.

Лукас тихо кашлянул.

— Я вызову ей такси.

— Уже вызвала, — сказала Эва.

Телефон завибрировал: водитель будет через три минуты.

Она показала экран, как доказательство в суде.

Александр кивнул.

— Хорошо.

Но не ушёл.

Трое мужчин за его спиной явно не понимали, почему деловая встреча застыла у тротуара.

— Ваши друзья ждут, — заметила Эва.

— Они переживут.

— Ваше правило тоже?

Слова вырвались тихо, только для него.

Александр резко посмотрел на неё.

— Не здесь.

— Именно.

Подъехало такси.

Лукас открыл дверь.

Эва уже собиралась сесть, когда Александр сказал:

— Напишите, когда будете дома.

Она обернулась.

— Это входит в договор?

Его лицо на секунду дрогнуло.

— Нет.

— Тогда не буду.

Она села в машину и закрыла дверь.

Только через два квартала позволила себе посмотреть назад.

Александр всё ещё стоял на тротуаре.

Правило, подумала Эва, оказалось прекрасной идеей.

Особенно потому, что они оба уже ненавидели его.

Глава 8. Почти

Утром в пятницу Александр был на объекте раньше всех.

Эва поняла это по свету в дальнем кабинете и по стакану капучино, который стоял на её столе.

С корицей.

Она остановилась.

Рядом лежала записка.

«Перемирие?»

Эва прочитала один раз. Потом второй.

Взяла ручку и написала снизу:

«Условия?»

Через десять минут записка вернулась.

«Не убивать друг друга до открытия».

Эва добавила:

«Слишком долго».

Ответ:

«До понедельника?»

Она не удержалась от улыбки.

«Попробуем».

Рабочий день прошёл почти нормально. Они обсуждали мебель, проверяли доставку посуды, спорили о высоте подвесных ламп. Александр снова называл её Эвой. Она снова называла его Александром.

Как будто прошлой недели не было.

Как будто напряжение между ними не стало только сильнее.

После обеда приехала Камилла.

Эва увидела её издалека и приготовилась к собственному раздражению, но Камилла подошла прямо к ней.

— Эва, можно вас на минуту?

— Конечно.

Они отошли к окну.

— Я хотела извиниться за прошлый раз, — сказала Камилла. — Кажется, я прозвучала так, будто специально пыталась вас смутить.

Эва растерялась.

— Всё нормально.

— Нет. Александр потом сказал мне, что я была неуместна.

Эва посмотрела через зал. Александр разговаривал с архитектором, но явно видел их.

— Он сказал?

— В своём стиле. То есть тремя предложениями и выражением лица человека, который собирается отменить международный договор.

Эва рассмеялась.

Камилла улыбнулась.

— Мы давно не вместе. И это не тайна. Просто наши семьи и бизнес всё ещё пересекаются.

— Вам не нужно передо мной объясняться.

— Знаю. Но я была на вашем месте.

Эва нахмурилась.

— В каком смысле?

Камилла посмотрела на Александра.

— Рядом с ним легко решить, что если он молчит, значит, ему всё равно. Это редко так.

— Мы работаем вместе.

— Конечно.

Эва вздохнула.

— Не говорите «конечно» таким тоном.

Камилла засмеялась.

— Простите. Похоже, это заразно.

Она ушла через пятнадцать минут.

Александр подошёл к Эве.

— Всё нормально?

— Да.

— Она вас не обидела?

— Нет. Вы, оказывается, умеете защищать людей даже от бывших невест.

Он нахмурился.

— Что она сказала?

— Ничего страшного.

— Эва.

— Александр.

Он выдохнул через нос.

— Вы получаете удовольствие, когда делаете это?

— Огромное.

* * *

Вечером они должны были проверить сервировку тестового ужина. Клер прислала двух декораторов на помощь, повара тестировали кухню, официанты репетировали подачу.

К десяти все ушли.

Эва осталась убрать образцы со столов.

Александр появился из кухни с двумя тарелками.

— Что это?

— Шеф сказал, что выбросит, если мы не съедим.

— Он шантажист.

— Очень хороший.

Они сели за один из новых столов.

На тарелках была утка с соусом из инжира и картофельный гратен.

Эва попробовала и закрыла глаза.

— Это незаконно вкусно.

— Значит, оставляем в меню.

— Я согласна работать здесь официанткой после открытия.

— У вас уже есть работа.

— Эта кормит хуже.

Александр налил ей воды.

— Почему декор?

Эва отложила вилку.

— Потому что пространства можно менять быстрее, чем людей.

— Неожиданно мрачно.

— Это семейное.

— Родители?

Она кивнула.

— Развелись, когда мне было семнадцать. Очень громко. Очень некрасиво. Мама потом несколько лет переезжала из квартиры в квартиру. Я каждый раз помогала устраивать всё

так, чтобы новое место не казалось временным.

Александр слушал молча.

— Наверное, тогда и поняла, что одна лампа, правильный цвет стены и стол у окна иногда помогают человеку больше, чем советы.

— Вы поэтому хотите свою студию?

Эва замерла.

— Откуда вы знаете?

— Вы говорили Клер по телефону на прошлой неделе.

— Вы подслушивали?

— Вы говорили на весь зал.

— Очень удобно.

— Вы давно планируете?

— Года два.

— Почему не открываете?

Она усмехнулась.

— Потому что мечта стоит денег. А ещё потому, что мне нравится есть.

— Есть инвесторы.

— Нет.

— Я ничего не предложил.

— Вы подумали.

— Возможно.

Эва покачала головой.

— Если когда-нибудь открою студию, хочу знать, что она моя. Не подарок. Не услуга. Не чья-то прихоть.

Александр смотрел на неё внимательно.

— Понимаю.

— Правда?

— Больше, чем вы думаете.

Он откинулся на спинку стула.

— Когда умер отец, все говорили, что мне «повезло» получить компанию. Будто я выиграл её в лотерею. Мне понадобилось три года, чтобы перестать чувствовать, что я просто сижу в чужом кресле.

Эва увидела в нём усталость, которую обычно скрывали дорогие костюмы и уверенный голос.

— А теперь?

— Теперь кресло моё.

— Скромно.

— Я учусь у вас.

Она улыбнулась.

После ужина они вышли во внутренний двор.

Оливковые деревья уже стояли на местах. Над ними горели маленькие тёплые лампы. После дождя камень блестел.

— Вы были правы насчёт тени, — сказал Александр.

Эва посмотрела на стену. Крона действительно рисовала на ней мягкий узор.

— Разумеется.

— Невозможно сделать вам комплимент.

— Можно. Нужно просто не удивляться моей правоте.

Он встал рядом.

Тишина между ними больше не была неловкой.
Эва чувствовала тепло его плеча совсем близко.
— Вчера вы были с Лукасом, — сказал Александр.
Она не повернула головы.
— Да.
— Это свидание?
— Почему вам важно?
Пауза.
— Не знаю.
Эва посмотрела на него.
— Плохой ответ.
— Другого нет.
— Тогда нет. Не свидание.
Александр кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.